

“ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ” (в сильном сокращении)

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее...

В XI в. Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Боспору Фракийскому или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством.

К несчастью, она в своей бодрой юности не предоохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной... Россия разделилась. Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло и могущество и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу... Тщетно некоторые князья великодушные – Мономах, Василько – говорили именем отечества на торжественных съездах; тщетно другие – Боголюбский, Всеволод III – старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные недра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менее гибельное. Народ утратил почтение к князьям: владетель Торопца или Гомеля мог ли казаться ему столь важным смертным, как монарх всей России? Народ охладел в усердии к князьям, видя, что они для ничтожных личных выгод жертвуют его кровию, и равнодушно смотрел на падение их тронов, готовый всегда взять сторону счастливейшего или изменить ему вместе с [его] счастьем; а князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволяли ей теснить мирных сельских жителей и купцов; сами обирали их, чтобы иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобно судьям-лихоимцам или тиранам, а не законным властителям. Итак, с ослаблением государственного могущества ослабевала и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям, и в сердце сохраняя вид и действия жизни государственной или независимости, изъясняемую одною слабостию наших соседей... Земля русская, упоенная кровию, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов ханских, а государи трепетали баскаков... Казалось, что Россия погибла навеки.

Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности долго именуемый “селом Кучковым”, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твер-

достию, – системе наилучшей по всем обстоятельствам...

Глубокомысленная политика князей московских не довольствовалась собиранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо, и единовластие усилить самодержавием... Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья московские, и мало по малу, истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие.

...Сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо кроме Донского никто из них не славился оным, но единственно умною политическою системою, согласно с обстоятельствами времени. Россия основилась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием...

... Никто, кроме государя не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже не княжеское, не боярское, но титуло *слуги царева*. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство или казнь их свидетельствовали твердость оною. Царь сделался для всех россиян земным богом. <...>

Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия на нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. <...>

Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софии, напоминали России несчастные времена смут боярских. Но великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и все переменялось!

Сею целию было не только величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских... Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам... Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержца дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не рождаются в такое или такое царствование, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно угадать, угадывают же людей только великие люди... И имея славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия... Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие, незаконное для монарха самодержавного. Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: “блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частию для спасения целого”, но не сказал: “противуборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни”. В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом...

Петр ограничил свое преобразование дворянством... Русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний... Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр.

Он велик без сомнения, но еще мог возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей...

Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным орудием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители у нас имели одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать, – право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные...

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток... Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупях...

Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать как земной бог – и повелевала... Екатерина очистила самодержавие от примесов тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума. ...Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах, – там от примеров двора любострастного, – здесь от выгодного для казны умножения питейных домов... В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам... Торговали правдою и чинами. <...>

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления ононого... Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды – прелесть; унизил чины и ленты расточительностию в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери...

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтоб Александр к вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринина царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: “Можно, надобно только поставить закон еще выше государя”. Но кому дадим блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они – угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти. Вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственных в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?..

Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблении властью – да царствует добродетельно! да приучит подданных ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти... Чем? – страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда!..

Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства... Прежде всего заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: министерства установлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т. е. верного, ясного руководства в исполнении важных их обязанностей!.. Министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие, хотя подведомые ему отчетами... Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россиею управляли министры, т. е. каждый по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность – один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы обычно считали высшим правительством, главным орудием монаршей власти?..

“Просим терпения”, – отвечают советники монарха, – мы изобретаем еще новый способ ограничения власти министров”, – выходит учреждение [Государственного] Совета... Совет, говорят, будет уздою для министров. Император отдает ему рассматривать важнейшие их представления; но между тем они все будут править государством именем государя. Совет не вступает в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных или в новых постановлениях...

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в искании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и издало несчастный указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть произведен ни в статские советники, ни в ассессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной – от инженера, законовения – от судьи и проч. У нас председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойство кислорода и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные...

Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу... Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая – в чем не может быть и спора – есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде, или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность, – тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических: напишут контракт, и земледельцы не исполнят его, – тяжбы, вечные тяжбы!.. Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не потерпит ли земледелие? Не останутся ли многие поля необработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе, – какое разорение!.. Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу или полицию, гораздо бдительнейшую тех земских судов, станут пьянствовать, злодейство-

вать, – какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он как Атлас возьмет себе Россию на рамена – удержит ли?.. Падение страшно. Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внешнюю целостность государства; благоволить состояниям¹ и лицам есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободою, но ежели сия свобода вредна для государства? и будут ли земледельцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника. Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний... Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, – ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным; а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?..

Для старого народа не надобно новых законов: согласно со здравым смыслом требуем от Комиссии [по составлению законов] систематического преложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот содержание Кодекса! Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое или соглашение указов, для коего потребуются иное объяснить, иное отменить или прибавить, буде опыты судилищ доказывают или противоречие, или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности уголовные, жестокие, варварские: их уже давно не исполняют, – для чего же они существуют к стыду нашего законодательства? <...>

...Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука единовластителя одного ведет, другого мчит на высоту; медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостию или бесчестием сановников... Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства или Сената, но и в особенности для мест губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там дела пойдут как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей, умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстаноят правосудие, успокоят земледельцев, одобряют купечество и промышленность, сохраняют пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, – виною худое избрание лиц; если не имеют способа, – виною худое образование губернских властей...

Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улик, посылают сенаторов для исследования, и ничего не вы-

¹ Состояния – в данном случае сословия.

ходит! Доносят плуты, – честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взякодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей – и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни!..

В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя – не боятся и закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести... Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целию – общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмочь оное долгом благоразумной строгости...

Самодержавие есть палладиум² России, целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладевают слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честию. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие,двигающее состав государственный... Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однакож в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оною. ...Для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времён Петра Великого не соблюдается: офицер уже дворянин...

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить патриаршество, но желаю, чтобы Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, напр[имер], одни архиепископы; чтоб он, в случае новых коренных государственных постановлений, сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия... Не довольно дать России хороших губернаторов, – надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих.
<...>

(Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991)

² Палладиум – статуя Афины Паллады, находившаяся в Трое и обеспечивавшая, по преданию, безопасность города. Когда статую похитили, Троя погибла.